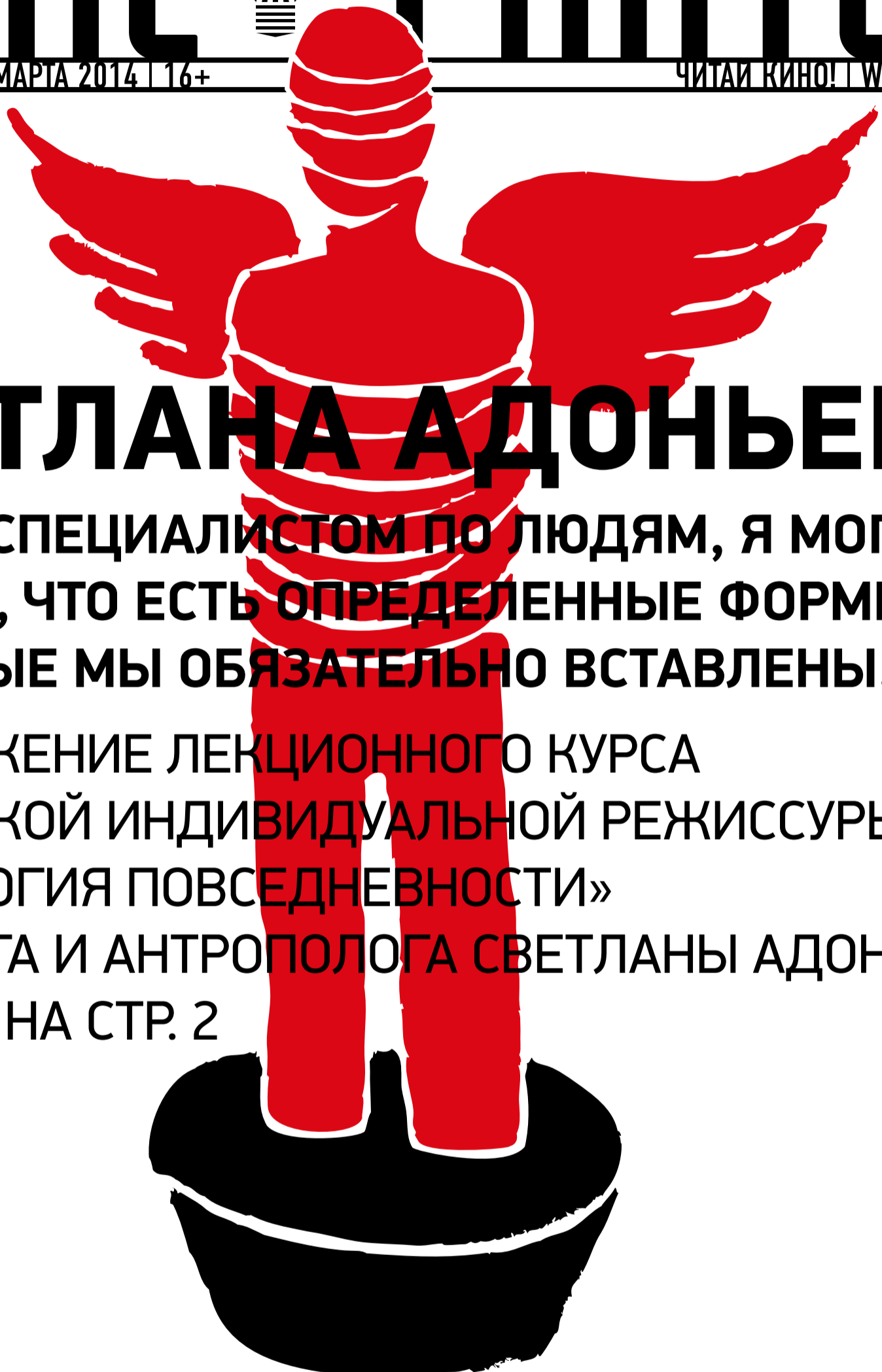

СИНЕ ФАНТОМ

05/298 | 14-28 МАРТА 2014 | 16+

ЧИТАЙ КИНО! | WWW.CNETM.RU

СВЕТЛАНА АДОНЬЕВА:

БУДУЧИ СПЕЦИАЛИСТОМ ПО ЛЮДЯМ, Я МОГУ ВАМ
СКАЗАТЬ, ЧТО ЕСТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ФОРМЫ,
В КОТОРЫЕ МЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСТАВЛЕНЫ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА
МАСТЕРСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЖИССУРЫ
«МИФОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

ФИЛОЛОГА И АНТРОПОЛОГА СВЕТЛАНЫ АДОНЬЕВОЙ
ЧИТАЙТЕ НА СТР. 2

4 АЛЕКСЕЙ ТЮТЬКИН.
20 ВЕЧЕРОВ С ГОДАРОМ

6 АНТОНИНА БАЕВЕР:
ЛЕЙДЕРМАН В РАЗРЕЗЕ

5 ЛЕДА ТИМОФЕЕВА
О ФИЛЬМЕ «ОНА»

8 БИТВЫ ИНТЕЛЛЕКТА.
КОЛОНКА «ЖИЗНЬ ПОЭТА»

ЗАМУЖНИЕ ЖЕНЩИНЫ, ФОТО 20-Х ГГ. МЕЗЕНЬ. ФОТОАРХИВ ПРОПОПОВСКОГО ЦЕНТРА

ОБ ОБРЯДАХ ПЕРЕХОДА, ВЫСШИХ ПОТРЕБНОСТЯХ И РЕАЛЬНОСТИ, КОТОРУЮ НУЖНО СОЗДАТЬ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА
МАСТЕРСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
РЕЖИССУРЫ «МИФОЛОГИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ» ФИЛОЛОГА
И АНТРОПОЛОГА СВЕТЛАНЫ АДОНЫЕВОЙ

Светлана Адоньева: Давно не виделись. Я понимаю, что лицо вы мое еще не забыли, но кроме лица что-нибудь еще осталось в воспоминаниях?

И: Все. Экзистенциальное одиночество осталось.

Светлана Адоньева: О, я таких слов не говорила.

И: Если кратко, мы говорили о различии, о женщинах и мужчинах. Говорили о браке, о ритуалах перехода. О том, что до сих пор мы живем в мифе, и подошли к тому, чтобы вскрывать эти механизмы.

Светлана Адоньева: Я рассказывала про мужской опыт, а не про экзистенциальный страх одиночества. Я говорила о конкретных вещах, а вы говорите про какие-то книжные вещи. Реальности общей для всех не существует. Вы это знаете, я надеюсь. Реальности нет. Вы знаете, что мы в ней, в ее соиздании принимаем участие. Что нет никакого объективного цвета, нет его! Звук нет. Плотность есть, но стола нет. Однако у нас есть стол, стул, звук, цвет, и мы, скорее всего, договоримся. И если посмотрим на вашу кофту, то почти все скажем, что она — оранжевая. Мы сойдем в определениях, хотя могли бы и не совпасть. Короче говоря, машина, которая называется коммуникацией, постоянно производит реальность и поддерживает ее. Вот представьте себе, что деньги существуют только потому, что мы ими обмениваемся. Только по этой причине. То есть, мы все время поддерживаем очень большую смысловую, семиотическую массу, которая называется

ся реальностью. С этим понятно, хотя это сложно, но к этому можно привыкнуть. Поэтому смешно сетовать о том, что «мы живем в мифе», потому что мы только в нем и живем. Ничего другого нет.

И: Простите, пожалуйста, что значит, «мы живем в мифе»? У меня сейчас путаница возникла, потому что есть миф, как архетипический...

Светлана Адоньева: Существует несколько значений этого слова. Если совсем грубо, первое и самое простое — под мифом понимается устное повествование, которое имеет статус сакрального, священного, и которое передает некое знание от одного поколения другому, от посвящающего посвящаемому и так далее. Оно вовлекает посвящаемого в некую реальность, которая ему до этого не была известна. В традиционных сообществах, например, мифы излагаются в ситуации возрастного посвящения. Применительно к нашему сообществу миф — это, например, былина. Былину сказывали в определенной ситуации, с определенным ритмом, вводя людей в определенное измененное сознание, и тогда создавали некую картинку. Чем миф отличается, например, от истории, которая изложена в учебнике? История в учебнике тоже создает некую реальность. Миф отличается тем, что в него встроены ценности, выборы, эмоции и смыслы. За миф можно умереть, а за учебник истории — нет. Потому что в миф вставлено все то, что мы переживаем. Например, входящий в состояние мифического повествования будет видеть перед собой табулет. Ему будут говорить, что этот табулет —

только временно табулет, который сейчас может превратиться в страшного дракона, и что на самом деле только он может удерживать эту реальность на уровне табулета, а если он отвернется — дракон случится, и теперь только он отвечает за этот табулет и его существование.

То есть, происходит подключение к определенной ответственности и к той реальности, которая в этом мифе выстроена. В таком понимании любая культура обязательно имеет свой миф, и не один.

Следующая мысль, которую я хотела донести, рассказывая про мужчин, женщин, девочек, стариков и так далее, заключается в том, что люди живут в разных мифах, в разных историях. И идея, что я, наблюдая какую-то реальность, понимаю ее смысл — это очень убогая идея. Идея, что я могу, будучи женщиной 25 лет, посмотреть на тетьку лет 70 и узнать, что она думает — это убогая мысль. Если мы думаем, что всех понимаем, то на самом деле мы свое убогое сознание проецируем на всех. Поэтому неинтересно смотреть, читать или слушать продукцию таких людей — они ничего, кроме самих себя, не воспроизводят, они из круга самих себя не вышли никуда.

И: А как же Спилберг?

Светлана Адоньева: Ну, это ваш выбор...

И: Спилберг же в своих сценариях, фильмах отдает часть себя.

И: Все отдают часть себя.

И: Каждый автор отдает своему произведению часть себя, свое видение.

Светлана Адоньева: У вас очень романтический взгляд. Впрочем, у Спилберга тоже.

И: Он через призму своих...

Светлана Адоньева: Через призму батареи, конечно, нельзя. Через какую еще призму можно что-либо сделать, если не через себя? Но со своим собственным взглядом у нас очень большая проблема. Наличие собственного взгляда — это очень серьезное завоевание. Потому что, на самом деле, мы смотрим на мир не своими глазами, в этом проблема. И не средства массовой информации в этом виноваты, это глубокое заблуждение. Мы смотрим теми глазами, которые нам «вставили» по мере нашего воспитания, образования и возвращивания. Эти глаза вставлены, мы ими смотрим, мы ими оцениваем, мы дальше воспроизводим ту реальность, в которую нас поместили. И понятно, что любая художественная задача как раз состоит в том, чтобы эту вставленную реальность расширить, трансформировать. А это можно сделать только с самим собой. Нет никаких других путей.

Я искусством не занимаюсь, я занимаюсь людьми, и, будучи специалистом по людям, я могу вам сказать, что есть определенные формы, в которые мы обязательно вставлены. Нам кажется, что это и есть реальность. И если мы их отловим, то нам будет легче иметь с ними дело — например, не следовать им. Я начала рассказывать об очень простых вещах, но малоизвестных. Мы имеем определенное социокультурное наследие, которое воспроизводим каждый день своей жизни. Каждый день своей жизни мы разыгрываем спектакль по распреде-

лению ролей, например, гендерных. Было очень интересно, когда мы с моей американской коллегой вместе работали в русской деревне, потому что она видела то, чего не видела я. Ну, например, идем мы по улице — стоит бабка, полет огород. Дедка приколачивает антенну на крыше. Для меня эта картина ничего не значит: что делать дедке, как не приколачивать, и что делать бабке, как не полоть огород? Она говорит: «Обрати внимание, что на всех огородах бабки вот так попами вверх торчат, а дядьки заняты в каких-то других точках пространства». И я вдруг понимаю, что я этого не видела, потому что я считала все это обычным. Она говорит: «Ну, могли бы и дядьки так попами торчать, а тетки приколачивать. Почему нет?» И я понимаю, что я внутри схемы, я ее не вижу. Таких вещей много. Мы с вами так же встроены в схемы, причем каждый в свою... Я думаю, что миссия и нашего курса в том числе, в значительной степени, как раз эти матрицы опознать. Я была очень благодарна Дмитрию Мамулия за лекцию, которую послушала вместе с вами. Потому что другими словами и от

РЕАЛЬНОСТИ ОБЩЕЙ ДЛЯ ВСЕХ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ВЫ ЭТО ЗНАЕТЕ, Я НАДЕЮСЬ

другого стартуя, мы приблизительно опираемся в одни и те же точки. В проблеме реальности. Он назвал это отсутствием образа, а что это значит? Это значит, что привычка «бабки попой кверху в огороде, а дядьки что-то приколачивают», привычка так видеть — уже под вопросом. Нужно породить какие-то новые способы понимания картинки. Старые способы видения девальвированы, тошнит от всего. Хоть тебе реклама — баллада с романсом: она, вся прекрасная, варит суп, они вдвоем этот суп едят... Хоть кино — опять какая-то псевдозолушка — тошнотворно. Вот как Карамзин про «Бедную Лизу» написал, так до сих пор мы в этой «Бедной Лизе» и пребываем. Пока нет осознания, нет новых сюжетов, чтобы каким-то образом по-новому с самим собой зажить. Пока наша литература и кино новыми мифами не разродились. Могут быть какие-то авторские прорывы, это несомненно, но нет общей матрицы. В этом проблема. Точнее, то, что предлагается, оно ужасно. Если задаться простым вопросом: а чего хотят люди? К вам придет человек

НУЖНО ПОРОДИТЬ КАКИЕ-ТО НОВЫЕ СПОСОБЫ ПОНИМАНИЯ КАРТИНКИ

от канала «Перец» и скажет: «Они хотят развлекаться». А откуда он это знает? Вот он подойдет ко мне спросит: «А ты хочешь развлекаться?» — «Господи, а что это такое? Это как? Вот в теннис я люблю играть, это развлекаться? Но канал «Перец» я смотреть не буду, потому что я так не развлекаюсь». Но самое-то интересное, что это безумно сложный вопрос. Во-первых, потому что мы моментально готовы сказать, чего все хотят. С удивительной готовностью, у нас даже нет зазора между вопросом и ответом. Не хочет смотреть — значит, не любит. Смотрит — значит, хочет. Вот и все. Любой жест, любую пластику мы читаем и даже не сомневаемся в том, что мы правильно диагностировали то, что происходит. Эта готовность все однозначно объяснить, она встроена.

Это — начиная от «Бедной Лизы» и через всех Пушкиных и великую русскую литературу, которую мы в школе аккуратно изучили. Очень трудно ответить на вопрос «чего же мы сами хотим». Если про другого это очень легко сказать, то про себя, на самом деле, очень трудно. По-моему, я упоминала такого замечательного психолога — Карла Роджерса,

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ СЛУЧАЛАСЬ С ЧЕЛОВЕКОМ, ОН ДОЛЖЕН О СЕБЕ ЧТО-ТО ПОНЯТЬ: КТО ОН ТАКОЙ, КАКОВО ЕГО ПРИЗВАНИЕ

про «знаемые» и реальные потребности или желания. Суть в том, что для того, чтобы докопаться, чего на самом деле хочет человек, нужно много усилий. По Роджерсу, только младенцы знают, чего они хотят, потому что это их потребности. Как только начинается обучение языку, картинке и толкованию, то есть, как только реальность получает смысл: «Вот конь, вот стол, вот собачка, мой дорогой, вот это трамвай», как только картинка наделяется значением, в то же время: «Миленький, съешь кашку, ты у меня такой хороший, любимый. Ты не будешь есть кашку — я не буду тебя любить... Ну, почему же ты всегда-всегда не ешь мою кашку, я так старалась, готовила!» И через какое-то время ты уже ешь кашку, но не знаешь: ты ее любишь или нет, эту кашку. Ведь на самом деле ты хочешь не кашку, ты хочешь, чтобы тебя любили. У тебя слиплось твоё желание и желание значимого для тебя Другого. Для того, чтобы его, Другого, не утратить, ты все попутал, ты не различаешь свои и чужие желания.

Буквально вчера-позавчера на семинаре по антропологии мы очень интересно говорили по поводу женщин и их сексуальных желаний, в том смысле, что в нашей культуре им не положено ничего желать, и различать свои желания не положено. Им положено желать то, что думают про их желания дяденьки. Доступа к собственным желаниям на уровне слов нет. Если тетенька говорит о своей сексуальности, это травмирует и тетенок, и дяденек. Ей не положено. Она должна быть снегуркой или леди-вамп, то есть — той же снегуркой, только в стиле «хоррор».

Возвращаясь к детскому — нарушается доступ к собственным потребностям и желаниям. Это не обязательно сексуальные желания и не обязательно желание поесть, и не обязательно желание убить. Мы просто не знаем, какие они, наши желания. Всю последующую жизнь человека Роджерс видел как движение к тому, чтобы понять, чего ты на самом деле хочешь. Ты всю жизнь пиликаешь на скрипке и считаешь, что это твоё призвание, но, может быть, тебе нужно было быть пекарем? Но тебе никто не дал возможности это осознать, потому что ты родился в семье потомственных музыкантов. А девочки из приличных семей должны выйти замуж, хоть ты тресни. Можно что угодно совершить: можно в космос слетать, сексуальную революцию совершить, но замуж выйти — обязательно, потому что «положено».

👤: Тогда получается, где-то есть один общий корень, как любовь или что-то такое. И не имеет значения, хотел ты быть пекарем или нет... потому что... это частные какие-то вещи?

Светлана Адоньева: Сейчас расскажу... Я называла имя этого человека: Абрахам Маслоу. Его пирамиду потребностей где только не воспроизвели, но никто не прочитал, что там было до пирамиды. А идея состояла в том, что существует иерархия потребностей. Эта иерархия, если очень грубо, состоит из пяти уровней, абсолютно связанных, и насыщение базовых потребностей делает возможным насыщение последующих. Только базовыми нельзя удовлетвориться. Потому что человек так устроен: в нем есть некий корень, который обеспечивает его развитие. И развивается человек от базовых потребностей. Базовые потребности самые примитивные: потребность в еде и потребность в безопасности. Это то, что обретается на младенческом уровне. Далее, потребность в безопасности может выдавать невротические кошмары. Если человек не был обеспечен этой безопасностью по какой-то причине, тогда он ведет себя конформистски, он хочет защищаться все время, он будет защищаться. Болезненный вариант такого рода поведения, это, например, персонаж Николсона в фильме «Лучше не бывает», который все считал и по клеточкам ходил. Это уже диагноз, но этот диагноз связан с тем, что единственный способ обезопасить мир — это сделать его абсолютно упорядоченным. То есть, маниакальная страсть к систематизации, упорядочению — это способ удержания мира, чтобы он не был таким страшным... Следующий этап — это потребность в любви и вовлеченности. Это про одиночество, но не экзистенциальное, а про то, что человек должен быть не один, ему нужны близкие. Человек ощущает это посредством объятий, рукопожатий и телесной близости, а не только секса. Это — не про секс. Это про дружескую близость, семейную близость,

У ТЕБЯ СЛИПЛОСЬ ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ И ЖЕЛАНИЕ ЗНАЧИМОГО ДЛЯ ТЕБЯ ДРУГОГО. ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЕГО, ДРУГОГО, НЕ УТРАТИТЬ, ТЫ ВСЕ ПОПУТАЛ, ТЫ НЕ РАЗЛИЧАЕШЬ СВОИ И ЧУЖИЕ ЖЕЛАНИЯ

которая дает человеку чувствовать себя частью чего-то целого, большего, чем он сам. Интересно, например, что если брать опять-таки нашу отечественную культуру, то, например, мужские отношения оказываются более теплыми и близкими, чем женские. Тактильные отношения меду мужчинами чаще возможны... Моя коллега занималась анализом деревенских фотографий, она рассматривала жесты: кто как кого держит, кто как стоит и прочее. Телесный контакт связан с поддержкой и принятием в сообществе. Далее — уважение и самоуважение. По Маслоу, это такая сложная двусторонняя вещь, потому что, с одной стороны, она предполагает компетентность — то есть, я сам себя должен за что-то уважать, например, за то, что я профессионал. Но она же предполагает и внешнее признание. Ну, например, мне было долгое время трудно с самой собой договориться, где я сама себя признаю, как профессионала, а где я желаю, чтобы меня оценили. Рассортировать внутри себя это очень трудно. Потому что, с одной стороны, если ты реализуешься в какой-то профессии, тебе нужно, чтобы профессионалы тебя признали, и ты

ПАРНИ. 50-Е ГОДЫ. МЕНЬ. ФОТОАРХИВ ПРОПОВСКОГО ЦЕНТРА

АРМЕЙСКАЯ ФОТОГРАФИЯ. 60-Е ГОДЫ. ФОТОАРХИВ ПРОПОВСКОГО ЦЕНТРА

нуждаешься в этой оценке и страдаешь, если не оценивают. С другой стороны, в какой-то момент твоя компетенция становится какой-то такой, когда тебе нужно признать ее самому, а это оказывается в нашей культуре очень трудно. Потому что обычно мы ведем себя так: «Какая у тебя красивая кофточка!» — «Да, я тут на помойке ее купила!» Или: «Как ты прекрасно выглядишь!» — «Да нет, что ты...» То есть мы всегда играем на понижение. Эта наша культурная норма: хвалиться и хвастаться нехорошо. Мы знаем это твердо. Хотя во всех указаниях по набору персонала сказано, что нужно аккуратно выставить все свои достоинства... Но мы-то знаем, что это

ЛЮБАЯ КУЛЬТУРА ОБЯЗАТЕЛЬНО ИМЕЕТ СВОЙ МИФ, И НЕ ОДИН

нехорошо. И вот это соотношение — уважения к собственному продукту и к собственной компетенции и желания признания — это две разные стороны, две разные тактики стяжания уважения. Следующая потребность по Маслоу очень важная: потребность в самоактуализации. Под этим он понимает много вещей, но, в частности, что у человека есть высшие потребности: он желает познать и узнавать себя и мир. Это не только про чудиков, которые наукой или искусством занимаются, это нормальная такая человеческая потребность — узнавать и понимать. У человека есть потребность эстетическая, потому что если его надолго поместить в отвратительное, мерзкое пространство, то ему будет плохо, хотя такого рода вещи мало изучены. У человека есть потребность самовыражения, креативные потребности лежат как раз в области самоактуализации. Далее Маслоу отмечает, что для того, чтобы самоактуализация случалась с человеком, он должен о себе что-то понять: кто он такой, каково его призвание. Кто-то пекарь, кто-то художник, если он по призванию, по Божьему промыслу пекарь, то ему нужно им стать, потому что у него внутри сидит зернышко пекаря. Он его может развернуть, а может стать прекрасным хирургом... Несчастливым прекрасным хирургом, потому что на самом деле это не его разворот, не его потенция, не его миссия. Так вот, общество хорошо тогда, когда оно предполагает свободу слова, свободу информации, свободу выбора профессии и прочий правовой набор. Это позволяет человеку из существа, которое должно реализовать себя на уровне пищи и воспроизводства себе подобных, развиваться в существо, которое самоактуализируется. С точки зрения Маслоу, в 50-е годы 20-го века общество уже достигло понимания того, что люди призваны реализовываться. Это общая система. Но каждая культура и каждый социум в тот или иной момент может предлагать тебе признать только одни твои потребности, не признавая другие.

Продолжение лекции читайте в следующих выпусках.
www.you-mir.ru